

—Художник и время—

... И ВЕЧНЫЙ БОЙ!

12 декабря с оперы П. Чайковского «Чародейка» начался отчет нового сезона в Харьковском государственном ордена Трудового Красного Знамени академическом театре оперы и балета им. Н. В. Лысенко. В этот вечер все здесь было необычно — и вопросы у входа «нет ли лишнего билета», и непривычно заполненный публикой зал, и почетные гости, и затянувшийся до полуночи праздник...

А впрочем, праздник ли? Всем, кто находился в оперном, или стремился туда попасть, было известно: это не просто открытие сезона, совпавшее с юбилеем народного артиста СССР Н. Ф. Мандолю, но и последний спектакль, подаренный певцом харьковчанам. Отныне его замечательный голос мы будем слышать только в концертах. Памятные сценические образы Фигаро, Демона, князя Игоря, Томского, Ди Луна, несравненного Риголетто, князя Курлятева и многие другие, созданные артистом, все это — уже достояние нашей музыкальной культуры, все это — вклад в отечественное оперное искусство, подлинная ценность которого в полной мере будет осознана не сразу.

Жизнь выдающихся людей тем и ценна, что свет ее окрашивает в яркие тона все, с чем соприкасается незаурядная личность, будь то творческие общения с композиторами или учениками, коллегами по театру... Оперную сцену покинул признанный лидер, стремительно завоевавший свой авторитет и долго, и легко его удерживавший.

Да так ли это много 60 лет со дня рождения и 40 — творческой деятельности?

— Николай Федорович, — обращаюсь к юбиляру, — не рановато ли вы отказались от «света рампы»? Многие с удивлением восприняли эту весть.

— Если артист чувствует, что ему нужно уйти, его нельзя удерживать. Гораздо хуже, когда это первым почувствует зритель — это беда для театра! Нужно уступить место молодежи, — убежденно говорит артист, — ей необходим стимул для творческого труда. А то ведь, как получается? Привычным стало, что у маститых — все ведущие партии. Мы их поем десятилетиями, конечно, складываются стереотипы. Новая постановка — кому главная роль? Не обойдешь же народных, еще, вроде бы, в силе, да и заслужили... Молодежь побьется, как рыба об лед, а там глядишь — и поостынет, руки опустит. А время-то идет, не только мы стареем, но и они. В театр нужно привлекать публику?

— Нужно! Кому же, как не молодым откликаться на современные веяния в оперном искусстве? Кому, как не им, с их энергией и настойчивостью, отстаивать идеологию нынешнего бурного времени?! Для высвечивания их таланта, одухотворенности, стремления захватывать, потрясать зал — быть волшебником сцены, театр должен дать безграничный простор.

— Да, нелегкое время сейчас переживает опера, в чем, видимо, есть доля вины многих, кто причастен к этому искусству. На юбилей о вас сказали как о представителе второго поколения революционных энтузиастов, пришедших поднимать социалистическое искусство. Возможно, тех, кто идет вслед за вами назовут третьим славным поколением... А что, на ваш взгляд, является основным препятствием в подлинно революционном (не побоимся этого слова) обновлении харьковской оперы — поставим вопрос конкретно, а не в масштабах страны.

— Театр понизил творческий импульс. Ну, посудите сами: раньше ставили 5—6 новых спектаклей в год, сейчас — 2, максимум 3. Думаете, не хотим? Труппа изголодалась по классике. В мае прошлого сезона, например, планировали дать «Аиду». И что же? Наши производственные пеха не успели все подготовить. Спектакль перенесли на декабрь, но сдвигов нет. Понимаете, это противостоит полностью, когда творческий коллектив находится во власти хозяйственников... Помню, «Аида» более 40 лет не сходила с нашей сцены все в одном художественном оформлении, но каком! Только занавес открывался — сразу раздавались аплодисменты, такими впечатляющими были декорации И. С. Назарова. А сейчас?.. Ведь нельзя же забывать о том, что опера — искусство волшебства. Все в ней вежно: и музыка, и либретто, и постановка, и голоса, и костюмы, и декорации, и сцениграфия, но обязательно, все эти компоненты должны сфокусированы на единую цель — раскрытие высокой идеи, удивляя, потрясая тех, кому мы служим. Человек тоскует о волшебниках сцены.

— Какие проблемы, помимо указанных вами, стоят сейчас перед театром? Скажем не секрет, что во всей стране остро обсуждается воп-

рос, касающийся оперной режиссуры. Известно, что например, Большой театр, стремясь вырваться из полосы застоя, экспериментирует (возможно, и не всегда удачно): в качестве постановщика здесь выступили Е. Образцова, С. Бондарчук. А не пошло бы на пользу харьковскому театру оперы, если бы постановка спектаклей осуществлялась разными режиссерами, специально приглашенными из других театров, городов?

— Я считаю, что приглашение режиссеров драмы, знающих оперную специфику, на одноразовые постановки, обязательно обогатит, освежит творческую жизнь труппы. Однако обновление я вижу не только в режиссуре, театрам также следует обмениваться дирижерами, солистами, балетмейстерами. Продолжая разговор о молодежи, о постоянном пополнении труппы, я считаю необходимым привлечение студентов (начиная с 4-го курса) для прохождения стажировки на профессиональной сцене. Это даст обоюдную пользу. И еще одна из главных проблем, которой я намерен вплотную заняться на посту председателя межобластного отделения Союза театральных деятелей УССР: это поднятие нашей критики на уровень злободневности и, обязательно, — своевременности, т. е. рецензия, вышедшая спустя месяц после премьеры, уже никому не нужна. Ведь, что требуется от критика — компетентная принципиальная позиция, умение увидеть главное в спектакле — и хорошее, и плохое. Указать: новая постановка — это шаг вперед, или назад, подсказать артистам тактично, но аргументированно, что нужно сделать, над чем еще необходимо потрудиться. Когда я пел Риголетто, мне многократно советовали изменить какую-то деталь в костюме, гриме, не боялись говорить и о том, что получается более убедительно в партии, а что — менее. ...Не сомневаюсь, во многом моему успеху в этой роли способствовала объективная профессиональная критика. А, что сейчас происходит? Статьи похожи одна на другую — пишутся по трафарету, подлинной критики в общем-то и нет. А без нее наши театры не сдвинутся с места.

— Николай Федорович, если вы считаете, что оперному театру подлинная целенаправленная критика необходима, то, очевидно, не станете отрицать, что в таком же внимании нуждается вообще вся наша городская музыкальная жизнь, не так ли?

— Разумеется.

— Приближается общегородской «Юбилей»: скоро 20 лет, как начали строить новое здание театра.

— Я понимаю вашу иронию, но хочу сказать, что в 1988 году новая опера будет открыта. Сейчас там монтируют современную механизацию сцены, которая не предполагалась старым проектом, что и послужило причиной задержки. Вместе с тем, готовиться к переезду в новый театр нужно уже сейчас. Необходимо полностью укомплектовать оперную и, особенно, балетную труппу: пополнить хор, оркестр, нужна сценическая одежда, соответствующего уровня. Словом, забот много. Кое-что уже сделано. Например, учитывая острую нужду театра в кадрах, город выделил нам необходимое количество квартир — это большое подспорье в комплексном решении проблем. А вообще, я вам скажу, Харькову пора встряхнуться. У нас такие культурные традиции, столько творческих союзов, неограниченные художественные возможности, а мы, простите, в полудреме. Хочется сказать: «Выше голову, профессиональный артист! Пусть твой талант, твои творческие горения будут той притягательной силой, по которой так изголодался наш харьковский театральный зритель!»...

...Перечитывая записи, ловлю себя на мысли — совсем уж они не похожи на привычные в таком случае юбилейные впечатления. Ракурс беседы определил сам юбиляр: «Да, что там о моей биографии, регалиях, творческом пути — это все знают. Давайте о деле поговорим». Может быть, в этой целеустремленности, одержимости и свершении мальчишки с хутора Маньги, которому аплодировали Киев и Нью-Йорк, Москва и Познань... С чем сравнить работу, которую делаешь и как артист, и как педагог, и как депутат нужна людям! Нет, пожалуй, я была не права — 12 декабря для самого певца и всех ценителей оперного искусства навсегда останется подлинным радостным праздником. Артист не покинул театр, он продолжает дышать его заботами, жить его тревогами, думать о завтрашнем дне искусства.

Е. КОНОНОВА,
музыковед.